

ЕЛИЗАВЕТА ШЕНДРИК

СЕСТРЫ БЕРГЕТ

Шендрик Елизавета Сестры Бергет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339186

SelfPub; 2024

Аннотация

Эраст хочет стать писателем, как его широко известная бабушка – Айседора Шварц, подарившая миру цикл романов о «Сестрах Бергет». Но виделся он с ней последний раз тринадцать лет назад, когда ему было шесть. Будет ли она рада его визиту? Окажутся ли правдой слова родителей, что Айседора сама оборвала с ними связь? Сможет ли Эраст справиться в ее присутствии с кошмарными видениями, преследующего его с детства? Ведь как только он приехал к Айседоре, на заднем сиденье машины появилась пугающая девочка...

Шендрик Елизавета

Сестры Бергет

ПЛЕЙЛИСТ

1. Max Richter – *She Remembers*
2. Ludovico Einaudi, Daniel Hope – *Petricor*
3. Ashley Serena – *Lullaby of Woe*
4. Tommee Profitt feat. brooke – *Can't Help Falling In Love (DARK)*
5. Ursine Vulpine, Annaca – *Wicked Game*
6. J2 feat. Casey Hensley – *I Believe I Can Fly (Epic Stripped Version)*
7. Fleurie – *Sirens*
8. SYML – *Where's My Love*
9. Andrew Belle – *Swimmers*

«Мы читаем прекрасные вещи, но никогда не прочувствуем их в полной мере, пока не пройдем те же шаги, что и Автор»
Джон Китс

Не помню, когда в последний раз так сильно нервничал. Ладони вспотели, лоб покрылся испариной, к щекам прильнула кровь. Я глянул на себя в зеркало заднего вида и нервно усмехнулся. Ну и видок. Рыжий. Конопатый. Краснощечный. Мальчик ли или мужчина? Кидая наспех собранные вещи в машину, чувствовал себя таким взрослым, но в отра-

жении во все глаза на меня смотрит мальчик. Неуверенный. Сомневающийся. Слабый. Он мне не нравится. Я поступил по-детски или по-мужски? «Ты ей не сдался!» – кричала мама. «Неблагодарный щенок!» – закончил за нее папа. А я вижу себя щеглом, не желающим больше закрасивать свои яркие пятна. Они учили меня правильно летать, но я так и не смог расправить крылья. Мне нужно к *ней*.

Открываю окно, проветрить голову от мыслей, и ворвавшийся ветер взъерошивает волосы. Капли дождя, стекающие с крыши, брызжут в лицо. Разгоряченное тело окутывает приятная прохлада. Я должно быть простыну, если продолжу так ехать, но этот свист, проникающий в уши, шум дороги, поселившийся в салоне, дарят мимолетное ощущение свободы. Я свободен. Я не оправдал родительских ожиданий. Я свободен. Стрелка спидометра растет вверх. Я свободен. И я еду к *ней*.

Наверное, я мальчик в теле мужчины.

Встроенный навигатор приятным женским голосом просит меня свернуть налево, я повинуюсь. И с каждым километром становлюсь к *ней* ближе. Узнает ли *она* меня? А если нет... все равно не вернусь в родительское гнездо. Буду хулиганом. Буду жечь. Буду играть ноктюрн на флейте водосточных труб. Голос говорит направо. Я съезжаю на тропу, продавленную колесами машин среди хвойного леса. Будто попал в Нарнию, только не через шкаф и до зимы еще пять ме-

сяцев. Здесь так красиво. Деревья тянутся к небу, а не гнутся к земле. Знал бы, что тут так умиротворенно, прихватил бы велосипед. Вдалеке виднеется очертание здания, отключаю милый женский голос, закрываю окно. Я почти у цели.

Припарковав машину недалеко от склона, не спешу выходить, обдумываю, что скажу. Дом *ее* выглядит точно так же, как и на фотографии тринадцатилетней давности, словно время над ним не властно, и он никогда не изменится. Дом стоит на опорных сваях, из-за этого кажется, будто первый этаж находится немного под землей. Ко второму этажу ведет деревянная белая лестница, так что попасть в дом можно и через нее. Там же застекленная терраса и если она не заперта, то внутрь войти тоже получится. Но я ведь не какой-то грабитель. Зачем только рассуждаю над этим? Лучше бы подумал, как *она* живет здесь одна посреди глухого леса...

Я снова смотрю в окно заднего вида и на миг вздрагиваю, моргаю. То что увидел, к своему удивлению, слишком хорошо запомнил. Показалось, будто на заднем сиденье маленькая девочка: большие глаза с белыми зрачками, серое лицо, прямые и длинные светлые волосы... Я уже где-то ее видел. Держа в голове слегка обезображенный образ девочки, выскочил из машины и полез в багажник. Руки тряслись, выдавая пережитый испуг, волосы лезли в глаза, открывая сумку за сумкой наконец-то нашел, что искал. В руках *ее* книга о сестрах Бергет, на обложке две девочки и одна из

них выглядит точь-в-точь как та, что померещилась, но лицо здорового цвета и глаза голубые. Увлеченный открытием, я принялся искать среди вещей другие книги о сестрах. И всюду была привидевшееся девочка. Так мой уставший разум попросту сплагиировал ее и выдал за кошмар? Положив книги поверх сумок, закрыл багажник, а развернувшись подпрыгнул от неожиданности, но стоило моргнуть... *они* исчезли. Девочка с обложки, похожая на труп, в помятом грязном платье с пышным кринолином до колен и короткими рукавами «фонариками» стояла рядом с коричневым спаниелем. Допустим, собаку выдумала моя фантазия, но как-то подозрительно, что без пугающий штук, как у девочки.

Надеюсь, *она* поможет мне стать тем, кем я задумал.

Зачесав пальцами волосы назад и, перестав топтаться на месте, прошел к первому этажу дома, остановился у полупрозрачной двери и замер в нерешительности. Звонка нет и не видно, чтобы внутри дома вообще кто-то был. А если *она* давно съехала? Ну не идиот ли я, раз об этом не подумал? Уперев руки в бока и, опустив низко голову, так долго всматривался в тротуарную плитку болотного цвета, что заметил волос. Сев на корточки, взял его двумя пальцами и убедился, длинный светлый волос мне не померещился, но прием таблеток, выписанный психиатром пропускать не стоит. Выбросив волос, я поднялся на ноги и дернулся всем телом. В стекле замерла с недовольным видом пожилая женщина, отражение ее немного расплывчатое. Моргаю. Не исчезает. Я

протер глаза и тяжело вздохнул. Почему она не исчезает, как *они*?

– И долго ты будешь загораживать мне проход? – прозвучало позади меня, а губы в отражении двинулись в такт сказанного.

Понял. Я двойной идиот.

– Простите, – промямлил, отойдя в сторону. – Позвольте представиться, меня зовут Эраст. – Оглядев ее с ног до головы, в полной мере осознал, что тройной идиот подходит мне больше. – Айседора, я ваш внук. Вы помните меня? – уверенно произнес, заглядывая ей в глаза. Сейчас я представлялся себе заблудившимся щеночком, вымаливающим ночлег.

– Я не Айседора, – резко произнесла она, и повернув ручку двери вниз, открыла ее и вошла в дом.

– Постойте, пожалуйста. – Я схватился за дверь до того, как она захлопнулась, но что-то невидимое на пороге не пустило меня внутрь. Держа дверь нараспашку, рвался вперед, но неосознанное поле толкало обратно. – С вашим проходом что-то не так!

– А может не так что-то с тобой? – присев на диван, она забросила ногу на ногу, сложила руки под грудью и посмотрела на меня с прищуром.

Я разволновался, волна жара окатила мое тело, у висков образовались капли пота, костяшки пальцев побелели из-за того, что сильно вцепился в ручку двери, отпустив ее, судорожно вздохнул. Как только дверь захлопнулась, она странно

дернула головой влево и вправо. Я остался стоять на прежнем месте, пытаясь совладать с волнением. На фотографии тринадцатилетней давности лицо ее не было изрезано глубокими морщинами, а волосы седыми, выглядела она тогда ухоженной и моложе своих лет. Но сейчас... Возможно, женщина права и я ошибся. Возможно, трудно узнать во взрослом мальчишке внука, когда помнишь его шестилетним. Пока я строил догадки, она продолжала сидеть на диване в той же позе, мрачно сверля меня глазами. Потом резко вскочила, будто на нее снизошло озарение и направилась ко мне. Я отошел, чтобы не получить дверью в лицо, она распахнула ее, уставившись на меня удивленным взглядом, тонкие полосочки, являющие собой брови поползли на лоб:

– Эраст??? – не верящим голосом произнесла она. – Это правда ты?

– Неужели кто-то уже пытался выдать себя за внука популярной писательницы? – отшутился я. Всегда шучу, когда волнуюсь.

– Пытался, – серьезным тоном ответила она. – Проходи внутрь. Расскажешь зачем приехал.

– А вы и правда Айседора?

– Не выкай и зови меня Дора.

Она махнула головой, и я вошел. **ВОШЕЛ БЕЗ ПРОБЛЕМ!** Не знаю, что за глюк случился со мной ранее, видимо, притомился с дороги, я сбросил с ног ботинки и прошествовал туда, куда она мне показала – на диван. Дора села в

кожаное кресло, поставив локти на колени, скрепила пальцы в замок и оперлась на них подбородком. Поставь она чайник кипятится, мне было бы куда спокойнее.

Лицо у Доры стало бесстрастным, я начал переживать, не выставит ли она меня за дверь до того, как я успею объяснить.

– Начну первой. Твой отец сказал, что ты не желаешь меня видеть и знать, – холодно сообщила она.

Испытал укол совести, но не из-за сказанного, я такое не мог выдать в шесть лет.

– А причина в том, что я тебя до ус... – Она поджала губы, приложила к ним указательный палец, будто раздумывая как сказать, но я-то понял какой «ус» рвется из ее уст. – Я до смерти тебя напугала, – заключила она, откинувшись на спинку кресла, положив руки на подлокотники. Прикрыла глаза, как будто я ее уже утомил. – Ты сказал им, что видел, как я раздвоилась...но не на два человека, а прямо из меня появился человек с туловищем без ног... Со слов отца, рассказывая это, ты обмочился в штаны прямо в машине...

– Какой бред! – Я вскочил на ноги, возмущившись позорным обвинением, сжал руки в кулаки. – Как ты могла поверить ему на слово? – От досады мне захотелось перевернуть, разделяющий нас журнальный столик, но я сдержался. Разжал кулаки, опасаясь, что в следующий момент могу стать похожим на психа и случайно вскрыется то, что я желаю сохранить от нее до конца жизни.

– Эраст, я...

– Он сказал, что вместо семьи ты выбрала писательскую карьеру, решила избегать нас, как и весь мир. Но я в это не верю!

– Да послушай же... – настойчиво сказала Дора, но я снова ее перебил.

– Ведешь себя как Пелевин! Подростком я так надеялся встретиться с тобой в тайне от родителей, но ты не проводишь встречи с читателями, не появляешься на публичных мероприятиях, а интервью даешь через интернет. – Эмоционально жестикулируя, я никак не мог остановить вырвавшийся из меня поток слов похожий на бурное течение, прорвавшее плотину. – Гора не шла к Магомету, и он пошел к ней сам – мне пришлось дожидаться, когда я стану достаточно взрослым и самостоятельным, чтобы припереться к тебе в эту глушь. И наконец-то разрешить все недоразумения.

– Эраст! – повысила она голоса.

– Мы бедно жили, чтобы купить твою первую книгу, мне пришлось копить целый год. А когда принес ее в школу похвастаться, что это написала моя бабушка, то был выставлен на посмешище! Потом вызвали родителей. Они думали, что я ее украл, чек показать не мог, выбросил. Учительнице сказали, что я фантазер, про тебя же было сказано, что ты вообще не наша родственница. На книге была этикетка, сразу после школы меня повели в тот книжный магазин, заставили вернуть ее и извиняться. Растерявшаяся сотрудница хотела

поднять записи с камер, но родители настояли, чтобы она забрала книгу и не поднимала шума. Я плакал всю дорогу до дома, не понимая, почему со мной так обошлись... – Усталю плюхнувшись на диван, я закрыл лицо руками, нахлынувшие чувства, подобно надвигающейся волне, грозили заполнить меня настолько, что не останется сил дышать. Глаза защищало, я протер их, в горле предупредительный ком, если открою сейчас рот, вырвется отчаянный вопль. Я ведь не ругаться сюда приехал.

– Так ты видел, как я раздвоилась или выдумал это? – задумчиво спросила Дора, будто мои душевные терзания ничего для нее не значат, будто я маленький капризный мальчик, закативший истерику и надо переждать, когда сам заткнется.

– Что тебя стало двое? – уточнил хриплым голосом, убрав руки от лица. Она кивнула в знак согласия, избегая моего взгляда. – Да я вообще такого не помню, как и моченые штаны. Мне было здесь хорошо и весело. Сколько мы дней тут пробыли? Дня три?

– Неделю.

– Я был мал, всего не упомнить, – сказал в свое оправдание, то что у меня проблемы с памятью знать ей не обязательно.

– А что ты помнишь, говоря что тебе здесь было весело и хорошо?

Я откинулся на спинку дивана, вытянул ноги, гудящие по-

сле долгой поездки, закрыл глаза и, взывая к остаткам памяти, погрузился в те дни.

– Помню как пахло на кухне вареной тыквой, ты делала из нее на завтрак блины, как водила меня по лесу, я собирал палочки... пытался из них что-нибудь соорудить, пока ты сидела под деревом и что-то писала в блокнот... Кстати! – Я резко открыл глаза, хлопнув себя по коленкам и на миг Дора расплылась, разделилась на два человека, но второй был размытым, как отражение в луже. Миг. И вторая «она» встала на место. Но волосы на моем затылке уже встали дыбом.

– Что?

– Мне нужно на воздух, – глухим голосом ответил я и, поднявшись, не стал обходить журнальный столик, обошел диван, в прихожей засунул ноги в ботинки, не потрудившись втиснуть в них пятки.

Выйдя из дома, я направился пружинистой походкой к машине, дойдя, достал из бардачка то, за что отец так сильно хотел оторвать мне руки, открыл багажник и уселся, широко расставив ноги. Щелкнув зажигалкой, я подкурил и положил портсигар на книги. Вдыхая сильный запах табака, старался не думать над тем почему со мной происходит то, что происходит. Я изо всех сил пытаюсь притворяться нормальным, но истинная натура раз за разом пробирается наружу. Когда теряю над собой контроль... творятся безумные вещи. Мне страшно за свое будущее.

Покончив со своим «грязным» делом, я достал из сум-

ки коробку из-под новогоднего подарка. В ней хранятся тетрадные листы, поселившие в моем сердце надежду, что писательство может стать райским островом, той самой отдушиной, в которой нуждается моя больная душа. Закрыв багажник, я заглянул в салон, положив коробку на сиденье, принялся замечать следы «преступления»: тщательно обработал руки антисептиком, пшикнул на язык спрей со вкусом малины для полости рта, закутался в кардиган, насквозь пропахший одеколоном. Несовершенный, но совершеннолетний. Попробую теперь произвести на Дору хорошее впечатление.

За мое отсутствие ничего не изменилось. Дора так и сидела в кресле, как будто ее прибили к нему гвоздями. Я не стал подходить к ней слишком близко и протянув коробку, сказал:

– Мы сочиняли с тобой истории про мальчика, попавшего в волшебный лес. Я же ходил в подготовительную школу, умел писать и читать, но тогда, честно говоря, плохо понимал значение некоторых слов. Повзрослев и перечитав я осознал, что эта история немного напоминает приключения сестер Бергет. Мальчик встретил девочку с коричневой... – Я замолк на полуслове, поражаясь, как не додумался до этого раньше. Не книги Доры породили в моем воображении светловолосую девочку и коричневого спаниеля. Она заложила их в мою голову гораздо раньше. Задолго до того, как я прочитал ее первую книгу. Сочиненный вместе рассказ давно не

перечитывал, быть может, поэтому не подумал на него сразу, когда увидел *их* здесь.

– Было дело, – сухо произнесла Дора, приняв коробку. – Скажи прямо чего ты от меня хочешь? – прозвучало как-то злобно, будто у нее на меня затаившееся обиды.

Я сел на другой край дивана, подальше от Доры, чтобы она не унюхала от меня запах табака. Еще на входе почувствовал этот запах от волос. Насколько у нее хороший нюх покажет лишь время. Но я планирую здесь задержаться хотя бы на пару недель. Она поставила коробку на стол, будто давая понять мне, что не станет открывать этот «ящик Пандоры». Хорошо. Не буду настаивать.

– Мне нужна твоя помощь, – искреннее признался.

– Психологическая? – с издевкой в голосе поинтересовалась Дора. Я опять занервничал, крепко зажал руки между колен. Сердце громко билось, словно оно стало птицей, запертой в клетке и теперь пытается выпорхнуть наружу.

– Н-нет.

– Тогда, может, деньги? Я ведь так эгоистично обошлась с твоим отцом, да и с вашей семьей в целом.

– Твои деньги меня не интересуют.

– Ну так мне долго гадать на кой черт ты забрался сюда? – прозвучало напористо.

– Я хочу стать писателем, – выпалил я на одном дыхании.

– Эраст, я не даю уроков по писательству и ты не станешь исключением только потому, что мой внук, – спокойно, но

крайне жестко ответила Дора.

– Я неправильно выразился. В первую очередь мне бы хотелось, чтобы мы подружились. Можем не играть в бабушку и внука. Считай, что к тебе прицепился доставучий поклонник, который не оставит выбора, кроме как помочь.

– Таких обычно упекают за решетку.

– А ты не упекай, – глупо произнес я и улыбнулся. Кажется, мне не разрушить ею выстроенную между нами невидимую стену.

Лицо Доры сделалось настороженным и неприятным: уголки рта опущены, глаза широко раскрыты, старческие морщины похожи на рубцы, а веснушки на засохшие пятна краски, седые пряди, выбившиеся из пучка, как тонкие ветки. Атмосфера, поселившееся в комнате, начинала меня душить.

– Прости. – Я поспешил уладить недоразумение, лишь бы она не приняла меня за сумасшедшего. – Не всегда получается подобрать слова, чтобы ясно выразить свои мысли. Твои книги помогли мне пережить... проблемы. Я тоже хочу создавать то, что будет помогать справиться с трудностями, позволит испытать забытые чувства или же сбежать от реальности.

– Ты у кого эту речь списал?

– Дай мне договорить, – грубо попросил я.

– Ох, простите, господин вещатель, пожалуйста, вещайте, – с легкой иронией в голосе произнесла она. И я почув-

ствовал себя дураком, несущим нелепицу, но отступить уже поздно.

– Я хочу быть проводником в несуществующие миры.

– В Бога задумал поиграть?

– А кто в него не играет? – задал риторический вопрос.

– Ты сам пришел к такому решению или подмазываешься ко мне?

Вопрос поставил меня в тупик. Я рассчитывал снискать ее расположения как раз тем, что решил стать писателем. Но писателем хочу быть не для того, чтобы подобраться к ней. Я как будто играю с Дорой в «Сапер», интуитивно жму на поля в надежде, что бомба не рванет.

– И то и то.

– Что?

– Я не подмазываюсь к тебе и сам пришел к такому решению.

– А если бы я не была писательницей, ты бы все равно приехал ко мне?

– Да. Мы же не чужие.

– Чужие, Эраст. Ты не знаешь меня, а я тебя. А тянешься ты ко мне лишь из-за кровного родства. Хотя оно не обязывает поддерживать с родственниками крепкие взаимоотношения. Мне вот интересно, к кому бы ты заявился с просьбой научить писательскому мастерству, не будь у тебя таких, как я в роду?

Никак не пойму рада она мне или нет. Пытается удосто-

вериться, что я не использую ее в корыстных целях или пытаюсь сделать так, чтобы я сам захотел уйти. Эти неудобные вопросы она бросает в меня, как камни, я чувствую от них боль.

– Я скучал по тебе. По-твоему это не веская причина для встречи? Я не прошу любить меня. Не спрашиваю, когда мне было шесть, ты притворялась заботливой бабушкой или правда что-то чувствовала ко мне. Не спрашиваю почему ты ни разу не приехала к нам, не писала, не звонила.

Дора, что говорила совершенно не таким литературным языком, каким пишет, замолчала.

Я задергал ногой, отбивая пяткой ритм, руки мои, как у прилежного ученика, лежат на коленках. Что она ответит? Скажет проваливать на четыре стороны? Я не уйду так просто.

– У тебя поставленная речь. Занимался с кем-то? – смиренно сказала она, и я облегченно выдохнул, перестав дергать ногой.

– Мамин любовник преподавал ораторское искусство в доме творчества...

– Можешь не продолжать. Я все поняла.

Дора резко потянулась к коробке, щелкнул замок, вытащив тетрадные листы, она прищурилась, а я наконец-то расслабился. Мне нужна передышка от ее нападков.

– Без очков совсем не вижу.

– А где они?

– В верхнем ящике на кухне рядом с холодильником и лупу прихвати.

Как хорошо, что гостиная соединена с кухней и мы остаемся друг у друга на виду. Не буду выглядеть подозрительно, если задержусь на кухне. Пока мы разговаривали, изучать интерьер было некогда, но теперь, когда я вошел в кухню, меня настиг тихий ужас. Столовый стол цвета темного горького шоколада весь в толстом слое пыли, будто им не пользовалась несколько лет. Гарнитур в стиле прованса выглядит так, будто я забрел в выставочный зал мебельного магазина, на нем ничего нет. Мне нужно все это потрогать, только так я могу убедиться в реальности увиденного. Я коснулся стола, осталась полоса, а на пальце крошечные пылинки, вытерев их об кардиган, двинулся к гарнитуру и стал водить по нему рукой, изучая глазами. Надо же. Ни разводов, ни жирных пятен и царапин нет. Остановившись у холодильника, я украдкой посмотрел на Дору, она изучала тетрадный лист, чуть ли не вплотную прислонив его к лицу. Тихонько открыв холодильник, я пришел в сильное недоумение. Почему он пуст и выключен?

– Нашел?

Я дернул плечом и, громко захлопнув дверцу холодильника, застыл.

– Ну что ты там шебуршишь как мышь?

– Уже иду!

Я открыл ящик, о котором Дора говорила, помимо очков

и лупы там лежали буклеты с экскурсиями и коммунальные платежи.

Вернувшись в гостиницу, протянул Доре очки. Она, надев их, пробурчала, что же не додумался их протереть и вырвала у меня из рук лупу. Не знаю, как мы поладим. Она принялась читать, а я продолжил осматриваться, обойдя кресло, встал посередине комнаты. На стенах следы от когда-то висевших на них рамок. Мне не вспомнить были ли это фотографии или картины. Обои красивые. Крупные цветы с развернутыми лепестками и тонкими стеблями в пастельных цветах. В стеллажах, рядом с лестницей, ведущей на второй этаж, скудно стоят книги и фигурки, словно их торопливо расставили и забыли довести до ума. Я подошел к ним, вдохнул носом пыль. Ноздри защекотало, и я чихнул, не успев прикрыть рот ладонью.

– Ничего не трогай! – строго попросила Дора.

– Я и не трогал.

Мне так хотелось спросить от чего же ее дом выглядит так, словно она вернулась в него совсем недавно. А может, так и есть. Сделав ремонт, улетела за вдохновением в другой город... Почему бы и нет. Дора права, я не знаю, что она за человек, чем живет и с кем общается. Я ни разу не слышал о том была ли она замужем. У папы мало детских снимков и совместных фотографий с Дорой тоже. Что ее заставило поселиться у черта на куличиках? Выбрала ли она сама жить как отшельник или прячется от кого-то...или чего-то... Зо-

вущий голос Доры вырвал меня из размышлений.

– М-м, – промычал обернувшись.

– Будь добрым молодцем, съезди в магазин за продуктами.

– А что взять?

– Ты у меня Маугли что ли? – проворчала Дора, посмотрев на меня через лупу. Я прыснул со смеху. Она вдруг улыбнулась, в уголках глаз собрались морщинки, взгляд стал теплым. Мысли мои унеслись на тринадцать лет назад. Когда она смотрела на меня с таким же теплом. Заботливая Дора, любившая внука просто за то, что он есть. Есть у нее. Как жаль, что вранье отца заставило нас усомниться в искренности друг друга. – Ты же залазил в холодильник. Видел, что он пуст, так иди и набери все, что в него поместится.

– Хорошо, – охотно согласился я.

И пошел на выход.

В машине снова вернулся к тому, что человек я небольшого ума. Не спросил, а в какой собственно магазин-то ехать. Смахнув в телефоне пропущенные звонки от отца, я открыл карту, оказалось, что до ближайшего магазина пять километров. Там же и какое-то кафе. Построив себе маршрут, я завел машину, снял ручник и тронулся с места.

Свернув на обочину, я усмехнулся увидев название магазина «На обочине». Как символично. Прежде чем зайти в магазин, достал из багажника портсигар и убрал в карман

кардигана к портмоне. Продавщица с кем-то увлеченно болтала по телефону, не став с ней здороваться, стал крутить туда-сюда головой в поиске корзинки для продуктов. Она недовольно спросила:

– Молодой человек, что вы ищите?

– Во что у вас продукты можно сложить?

– В пакет, который покупается на кассе, – проверещала она, я замешкался. – И на кассе говорите, что вам надо, это вам не сетевой магазин.

– Понял я, не надо так на меня орать.

– Это я еще не орала! – выкрикнула продавщица. – Люд, ну ты представляешь...

Если бы не просьба Доры, я бы не раздумывая развернулся и пошел из магазина вон. В городе, где я родился, такие магазины сейчас редкость, отвык, но толку-то объяснять это пухлощекой желтоволосой барышне, не знающей правила хорошего тона. Я скривил лицо, под глазами у нее осыпавшаяся тушь и мешки в цвет теней на веках, губы накрашены яркой помадой в цвет кожуры апельсина. О, Дора, этот подвиг совершаю только ради тебя.

– Простите, – доброжелательным тоном обратился к ней, ступая медленно к кассе. Она будто упитанная мышка, а я кот, что выплюнет ее, как только поймет, что не съедобная. – Так давно не был здесь, а вы похорошели. Приятно видеть вас в расцвете красоты и молодости.

О, Дора, видела бы ты как просияло ее лицо, как широко

распахнулись карие глаза, как на губах заиграла улыбка до ушей. О, Дора, иногда я такой подлый, но кто так не делает?

– Ой, ну спасибо. – Она заправила за ухо прядь, но для меня это выглядело так, как будто за ухо повесила лапшу. – Вы уж извините, что я с вами повздорила. Иногда приходят такие тяжелые покупатели, что мне, хрупкому созданию, приходится отбиваться самой. – Она оперлась на прямые руки и, выпятив грудь вперед, наклонилась ко мне. – Меня Вера зовут, а вас?

– Ни Любовь и ни Надежда.

– Какой вы шутник. – Она притворно хихикнула. – Хотите остаться моим тайным поклонником?

– Пожалуй, да.

Не отказался бы стать еще невидимым. «Хоть бы никогда не пришлось сюда возвращаться», – взмолился мысленно.

– Ой, ну будь по-вашему, мистер икс. – Вера махнула рукой, но такое ощущение, что хотела сделать по-кошачьи лапкой «мур».

Мне не приходилось заигрывать с девушками ни своего возраста, ни младше, ни старше. Я не пассажир в голубом вагоне. Противоположный пол влечет меня, но я боюсь с ним сблизиться. Боюсь, что они раскусят гниль, живущую во мне. Девушки, что липли ко мне, говорили, что я красивый, но тупой, потому что не понимаю намеков. А те, что осмеливались открыть свои сердца, перепрыгивали стадию любви и ненавидели меня. Я не срывал поцелуи с девичьих губ и не

дарим их сам. Глупые девочки, вы никогда не поймете, что я сберег вас от Дьявола внутри себя. Пора сворачивать этот спектакль с Верой.

– Что брать будете? – кокетливо поинтересовалась она.

«Точно не тебя», – подумал про себя, а после вынудил ее носиться по всему прилавку.

Продуктов набралось на четыре черных полиэтиленовых пакета. Она сама все услужливо сложила, сказала терминал сломался, но можно перевести на ее номер телефона. Фишку я уловил, расплатился наличными. Вера скуксилась. А мне уже не терпелось отсюда убраться. Я, сделав нос пятачком, хрюкнул. Она недоуменно посмотрела, хлопая глазами. Схватив пакеты, весело сказал ей: «Пока, хрюшка». Ей стоит отдать мне должное – проказу я придумал безобидную. Бранные слова, посыпавшиеся из ее рта, услышал только когда дверь магазина захлопнулась. До чего же у нее противный звонкий голос. Позвонила бы уже Людке своей...

Я забросил пакеты на заднее сиденье машины и прошествовал в кафе. Двое неопрятных мужчин, сидевшие за столиком у входа, что-то бурно обсуждали, тыча друг в друга чебуреками облитые жиром, но с золотистой корочкой. Постарался лицом не выдавать своих эмоций, быстренько их обошел и устремился к витрине с выпечкой. Пахнет как в школьной столовке. Играет «дорожное» радио. Продавщица у другого выхода стоит в фартуке с чепчиком на голове и курит. Похожа на тетку из комедийных сериалов.

Перекусить бы чего-нибудь на скорую руку, пока мы будем с Дорой... Мы же будем вместе готовить? Или я размечтался и слишком тороплю события.

– Да не продается он! Ее ищут до сих пор.

– Да кто она мать его такая?

Я не хотел подслушивать, но они так громко разговаривали.

– Писателка какая-то. Уж не знаю какие она там мемуарчики пишет, но дом отгрохала себе шикарный.

– А баба-то она замужняя?

– А че? Если найдут приударить хошь?

– Дом ее хочу.

– А ГЗМ?

– Че?

– Губозакаточная машинка, дундук.

– Сам ты фундук! Себе губу закатай, придурок. Хрен я тебя в следующий раз кружкой пива угощу. Понял меня?

– Мальчики! – вмешалась продавщица, потушив сигарету ногой. – Пришибу обоих, если тон не сбавите.

Дверь с грохотом захлопнулась. Она вытерла руки об фартук, а «мальчики» притихли.

– Что брать будете? – спросила она нейтральным тоном.

– Четыре сосиски в тесте с собой.

– А из напитков?

– Ничего.

– Погреть вам?

– Да. Спасибо.

Терминал в кафе работал, я оплатил картой и забрал мешочек с теплыми сосисками в тесте. Подойдя к двери, услышал, как один «мальчишка» сказал другому:

– Имя у нее еще такое заморское. Танцовщица еще такая была, с товарищем Есениным мутила. Эй, парень! – Он свистнул.

Я неуверенно обернулся, держась за ручку двери.

– Как барышню звали, которая танцевала и Есенину глазки строила.

– Дункан, – ответил сдавленным голосом, сам не знаю почему.

– Это имя? Ты мне имя скажи.

– Айседора.

– Вот! Оно самое! Спасибо, парень, дай Бог тебе здоровья, чтоб деньги были и ...

Я не стал его дослушивать и выскочил из магазина. Бегом дошел до машины и бросив мешок на пассажирское, достал портсигар и открыл окно. Зажав губами сигарету, я принялся снимать с себя кардиган. Кто-то крикнул:

– Вон он! Он там!

Я перевел взгляд на магазин: Вера стояла на улице и тыкала на мою машину пальцем, а здоровенный бугай в камуфляжном костюме рядом с ней демонстративно разминал кулаки. Я показал им средний палец, бугай побежал, а я завел машину и дал ходу. Я наехал на него, чтоб припугнуть.

Он грудью приложился к капоту. Не ожидал от меня такой дерзости. Выкрикнул ему одно бранное слово, чтобы отлип от моей машины и дал заднюю, чтобы выехать на обочину. Включив музыку погромче, я прикурил и стуча пальцами по рулю в такт песни, вслух спел: «Ха-ха-ха-ха стэйин элайв, стэйин элайв...»

Лес перестал выглядеть сказочно красивым. Опускающийся сумрак сделал его таинственным и пугающим. Я вдруг заметил боковым зрением какое-то движение меж деревьев. Заблудший зверек? Проверять это, конечно, не буду. Прибавил газу. Внезапно раздавшийся вой пробрал меня до мурашек по спине. Сердце сжалось в предчувствии чего-то недоброго.

Я припарковался на том же месте, закутавшись в кардиган и схватив пакеты, быстрым шагом направился к первому этажу дома. Из-за отсутствующего света он показался мне таким пустым и одиноким. Но стоило подойти к нему ближе и меня охватила тревога, за ней приступ паники. Я выронил пакеты и пошатнулся. На тротуарной плитке грязь, а в грязи следы от ботинок, ведут к разбитой стеклянной двери. Я судорожно сглотнул. Вспомнился разговор тех неприятных типов о женщине с шикарным домом. И звали ее... Айседора. Боже мой! Я со всех ног рванул внутрь дома, крича во все горло: «Дора!»

Первый этаж выглядел нетронутым. Ни намек на кражу или борьбу. Я несколько раз выкрикнул ее имя, а в ответ лишь гнетущая тишина. Порывшись в ящиках кухни, нашел нож для разделки мяса, вооружившись им, прислонился спиной к стене и стал подниматься на второй этаж. Доски лестницы скрипели, я морщился, сжимая рукоятку ножа. Никто меня на этаже не встретил. Это не радовало и не облегчало задачу. Рука, держащая нож, вспотела, перебросил его в правую руку, приготовился открыть дверь в первую комнату, как вдруг подо мной раздался тот пронзительный вой. Черт! Я не помню, закрывал ли входную дверь. И самому уже хочется завывать от страха. Природный инстинкт требует, чтобы я бежал куда глаза глядят. Но я не могу. Я должен спасти и защитить Дору!

Я ворвался в комнату и в полумраке не заметил ничего подозрительно. То же ждало меня и во второй, третьей и наконец четвертой. В ней и остановился перевести дыхание. Предыдущие две были спальнями с идеально заправленными постелями, плотными шторами на окнах, обставленные антикварными вещами, в цветочных и растительных мотивах. Третья кладовкой. А эта оказалась рабочим кабинетом: зеленые стены, дубовый стол, на нем ноутбук, стул со спинкой, у окна кресло.

Дора, где же ты черт возьми?

У меня резко закружилась голова, должно быть, сдают нервы. Я вывалился из кабинета и, тяжело ступая, направил-

ся к двери, ведущей на террасу. Если ее там не будет... Позади меня раздалось злобное рычание. От неожиданности выронил нож. Не став его поднимать, кинулся к двери, межкомнатная ручка вылетела, лишив меня шанса выбраться через террасу на улицу. Ноги подкосились, я упал с ней в руках на спину. Кровь пульсировала в висках, перед глазами замелькали черные пятна, цепenea от страха, ждал, что будет дальше. Рычание прекратилось. Но пол подо мной заходил ходунном, стекла задребезжали, все закрипело и затрещало. Я почувствовал, как начал проваливаться, будто до этого лежал на твердом льду, а теперь он раскололся надвое. С потолка на меня посыпались штукатурка, щепки и доски. Я ни от чего не смог уклониться, тело перестало мне подчиняться, словно словил сонный паралич, голос пропал. Ничего не чувствую. От этого только страшнее. Я вдруг полностью провалился и полетел куда-то вниз, в глазах чернота, закрыв их, отдался тьме, что возжелала меня проглотить.

Лежа на чем-то мягком, с трудом разлепив глаза, голова нещадно трещала, что значило – все еще жив. Но ничего не разглядеть, словно под землей и потому в глазах так черно. Но лежу я свободно, не ощущая давления, стало быть все снова не так, как я думаю.

Я страшно перепугался, подумав, на месте ли мои глаза? То, что преследовало меня из леса до дома... то, что я не видел, а только слышал... что-то непростое... Волшебный лес,

Дора? Правда ли, что мы его выдумали? Почему мне кажется, что чудовище из леса сотворила с нами нечто ужасное? Все так запуталось, не могу разобрать, где реальность, а где вымысел.

Я надавил на веки. Глаза на месте, но в них темнота. Сбрендил или ослеп? НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ!

Ощувив на ногах что-то плотное и тяжелое, немедленно пощупал, похоже на плед. Откуда он здесь? Куда я попал? Я ощупал себя, одежда на мне та же, но пахну потом впере-мешку с терпким табачным запахом. Мне надо срочно выпить таблетки, пока мой колпак от меня не отъехал. Почему здесь веет холодом? Я натянул плед до подбородка, раздался скрип, шел он откуда-то сбоку, я перестал двигаться.

Холод пронизывал до костей, дыша через раз, быстро убедился, что сидя мне не согреться. Надо двигаться. Надо найти Дору. Кто ей поможет, если не я?

– Не спеши, – неожиданно прозвучал голос Доры. – Отдышись.

подавив судорожный вздох, принялся дышать через нос и вытирать подступившие сопли. Дора, черт возьми, я тебя не вижу. Как мне убедиться, что ты это ты?

– Ты хотел, чтобы я обучила тебя писательству, – размеренным суровым голосом сказала она, звучал он оттуда же, где недавно раздался скрип. – Будь, по-твоему, приставучий ты мой поклонничек. – Я не понял, ослышался или нет, но ощущение, что она назвала меня покойничком. – Урок пер-

вый. Запоминай все, что видишь. Урок второй. Не можешь запомнить – записывай. Урок третий. Не можешь записать – надиктуй в диктофон. Урок четвертый. Нет диктофона – смотри пункт первый. Вопросы?

– Гд-е-е ты бы-бы-ла? – голос дрожал от напряжения и страха, изнеможенное тело трясло от холода.

– Рядом, – таинственно ответила она, что я весь покрылся мурашками. – Еще будут вопросы?

– Г-где мы?

– Ты задаешь вопросы не по теме, Эраст.

– Я ни-ничего не-не вижу.

– Так лучше?

Я поморщился, глаза зашипало, хоть свет и неяркий. Но тепло, излучаемое от лампы, коснулось моего тела, и я будто ожил, ощутил как горят щеки, перестал трястись, как куст сдуваемый ветром. Привыкнув к освещению, рассмотрел сидящую в кресле рядом с торшером Дору. Она в тех же синих джинсах, вязаной кофте с воротом и на замке в цвет капучино, на ногах закрытые коричневые тапочки похожие на угги. Лицо нахмуренное, пальцами правой руки бесшумно бьет по подлокотнику кресла, взгляд задумчивый.

– У тебя проблемы с памятью?

Я плотно сжал губы, на скулах заиграли желваки.

– Знаешь как я это поняла? Ты вернулся из магазина каким-то взвинченным, я сказала тебе, что сама разложу продукты, а ты можешь идти отдыхать на второй этаж в комнату,

где раньше спал. Ты ответил, что помнишь куда идти и ушел. Не прошло и часа, как на весь дом раздался твой голос, отчаянно зовущий меня. Я сразу же понеслась к тебе. Но ты был не в своей, а в моей комнате, беспокойно спал, крутя головой. Я решила сделать тебе компресс, положила холодную тряпку на лоб, кричать ты перестал, как и вертеть головой, но на лице застыла гримаса боли. Так что я осталась здесь, вместо того, чтобы готовить ужин. Меняла компресс, потом и вовсе убрала, и только вышла за дверь с тазом и тряпкой, ты начал истошно орать. Не знаю, что тебе снилось Эраст, но ты заставил старушку с больными костями ухаживать за тобой, как за малым дитем до наступления ночи! А теперь слушай свой желанный экспресс-курс и живи с этим дальше как хочешь! И чтобы больше никаких вопросов не по теме, — твердо произнесла она, стукнув кулаком по креслу.

Кое-что меня смутило. Речь Доры походила на хорошо прописанный рассказ, словно она его просто перечитала вслух. То, как слова отскакивали от зубов и то, как она говорила без запинки... Как будто выслушал не человека, а голосовой помощник... Хотя спросонья что только может не послышаться. Я хочу верить, что она это она, а все что со мной приключилось не более, чем сон. Пусть и чувствовал под пледом, что ноги в обуви. Пусть и ни черта не помню, чтобы вернулся так, как об этом рассказала Дора. Друг по переписке называет меня «чекане», имея в виду, что я чокнутый. Раз я таков, то что мне стоит завалиться спать в обу-

ви? Да ничего.

Я посмотрел Доре в глаза. Взгляд выжидающий и холодный. Мне кажется, она меня убьет, если увидит, что я испачкал простыню. Передумав садиться в позу лотоса, подоткнул плед себе под ноги. Экспресс-курс, так экспресс-курс. Я только рад пообщаться с ней в обход личных тем.

– Ты запомнил свой сон?

– Да.

– Запиши. – Она встала с кресла, выдвинула ящик комода, что-то вытащила из него и развернувшись, кинула мне в ноги. Это оказался запечатанный в пленку крафтовый блокнот на пружине с авторучкой. – Пока ты будешь писать, расскажу тебе историю, случившееся со мной в детстве. – Она села обратно.

– Я должен писать и слушать одновременно?

– Юлий Цезарь смог, ты что, хуже?

– Нет, – буркнул, содрав пленку с блокнота. – А верхний свет можно включить?

– Привыкай работать в самых непростых условиях. Комфорт будешь создавать у себя дома.

– В кресло непустишь?

– Не пуцу и торшер не подвину.

Я хмыкнул, обернулся к спинке кровати, прислонил к ней подушку и завалился, поджав коленки поближе к груди и положив на них блокнот.

– Я готов.

– Не осталось тех, кто помнил бы, что в семье Бергет изначально было две девочки...

Я была старше Ингрид на три года. Родители шутливо называли ее егзой, а я доводила до слез, зовя Ингой. Ей ужасно не нравилось коверканье имени, а мне нравилось ее задирать. Иногда она так сильно рыдала, что начинала задыхаться. А я равнодушно стояла и смотрела, но только если родители отсутствовали дома. Не подумай. Ингрид я не била. Но слова говорила жестокие, а это все равно, что ударить.

Она была очень неуклюжей и вела себя как варвар. Не смотрела под ноги, сопли вытирала платьем, мороженое ела так, что губы и нос были в нем. Родители никогда ее не ругали, а мне беспрестанно напоминали, что я старшая, а значит мудрее, обязана заботиться о сестре и подавать хороший пример. Меня не наказывали, но ругали.

В какой-то момент я стала думать, что Ингрид все сходит с рук из-за того, что она родилась красивой: большие голубые глаза, пухлые розовые щечки, губки бантиком, прямые золотые волосы. А я темно-русая, глаза карие, лицо все в веснушках. Словно дети из разных семей. Родители очень злились, когда слышали от меня вопрос, а точно ли Ингрид не подбросили нам под дверь?

– Поспеваешь? – мягко спросила она.

– Конечно.

Я схитрил. Написал в середине листа «Я» и сделал от него несколько стрелочек с пометками: *разговор «мальчиков»* –

шикарный дом – Айседора, вой в лесу – вой на первом этаже – злобное рычание на втором, нож – пустые комнаты – ручка двери. Обвел все это в большой овал и внизу написал *«развал дома – падение в кроличью нору – чернота»*. Хочу кратко записать историю Доры. Не совсем понял, почему она сказала о девочках в прошедшем времени и что это ее история из детства. Все книги Доры рассказывают о приключениях сестер Бергет. Старшая время от времени приходится спасать младшую от неприятностей, а так они вместе изучают новые миры и заводят в них друзей, побеждают врагов. И зовут их Мэри и Луиза.

Перевернув страницу, кивнул Доре головой.

– В тот год, когда мне было девять, родители приобрели зимой старинную усадьбу в деревне со сладким названием – Услава.

Тогда же отец подарил мне первый блокнот. Он был в твердой обложке, но с мягкой поверхностью, размером с альбомный лист, с магнитной защелкой и открывался как книжка, внутри были вклеены листы с большими квадратными клетками и кармашек для хранения. Подарок виделся мне самым настоящим сокровищем. До этого мне приходилось делать записи на оторванных листках календаря или на обложках использованных тетрадей, потом я клеивала их в старые альбомы по рисованию. А Ингрид отец подарил щенка спаниеля. Она так нелепо ее еще назвала... подожди... сейчас вспомню... Бу-буся... Бусинка! Я не смогла закрыть на

это глаза, но и напрямую попросить поменять имя тоже не могла. Ингрид считала меня злой, но не плохой и от того продолжала ко мне тянуться. Как если бы она была обезьяной, а я тигром, пыталась погладить меня, подзабыв, что перед ней хищник. Так что я сделала то, что у меня получалось лучше всего – придумала легенду про охотничью собаку по имени Мира. Там, где она пробежит, станет царить мир, порядок и добро. Ингрид после этого поменяла щенку имя на Миру.

Ремонт усадьбы закончился только в середине июля, когда мы наконец-то отправились туда, счастьем моему не было предела. Но ты же знаешь, счастье – состояние мимолетное. Настолько короткое, что можно засомневаться, было ли оно вообще или ты так придумал?

Дора, подперев рукой голову, продолжила говорить, а я зачарованно слушая, начал смекать что к чему.

Стоило нам тронуться, а добирались мы на машине, как Мира жалобно заскулила. Ингрид испугалась и решила, что у той заболел живот, ведь она-то сама пищит от боли, когда ее внутри скручивает. Мира сидела в корзинке для пикника между нами. Я предложила взять щенка на руки и погладить. Ингрид уперлась, сказала, что боится сделать ей больнее. Отец следил за дорогой, мама на нас шикала, чтобы мы вели себя тише. Блокнот пришлось убрать в сторону, а надеялась-то в пути посочинять! Я вытащила Миру из корзинки и посадила к себе на колени. Стала гладить, рассказывать про вид за окном, она перестала скулить, но это не рассказы

мои на нее так подействовали, она попросту уснула. Затем и Ингрид, и я.

Родители разбудили нас по прибытию. Меня взбесило, что Ингрид первым делом грубо схватила сонную Миру, та аж пискнула, и потащила из машины с собой. Как будто Мира для нее очередная игрушка, а не живое создание. Потом мама сказала, чтобы я приглядывала за ними, наказала Ингрид, что без меня ей нельзя выгуливать щенка и носиться по окрестностям. Я фырчала от недовольства. И потому усадьба, похожая на дворец стала видеться темницей. Не пришла в восхищении ни от колоннад, ни от вензеля с замысловатым переплетением букв на верхней части главного входа, ни от венчавшей крышу бельведера, а надстройка была над зданием открытой и с колоннами. Ты представляешь насколько расстроенной и подавленной я была? И крыша в форме купола не зацепила, не восхитили скульптуры внутри усадьбы. Рядом бегала охающая и ахающая Ингрид, тыкала Миру во все мордой, крича: «Посмотри как класиво!» И тут мне в голову пришла пакостная идея. Задумала сделать так, чтобы Ингрид сама не захотела гулять со мной. «Пусть родители выгуливают ее и Миру», – потешалась тогда про себя.

Родители слонялись на первом этаже, я быстро перешла в наступление, стала передразнивать Ингрид, делая визгливый голос, как у нее. А потом сделала ей «сливу» – зажала костяшками пальцев ее нос и покрутила. Она завизжала от боли и выпустила Миру из рук... Никто меня в семье ни-

когда не бил, но после того, что я сделала с Ингрид и Миррой, отец выпорол меня кожаным ремнем, как Сидорову козу. Кожа горела и болела, я лежала на животе с задранной одеждой и спущенными трусами, не в силах пошевелиться. Отец уходя строгим голосом сказал, чтобы я хорошо подумала над своим поведением и не выходила из комнаты до наступления следующего дня. Но в тот день я чувствовала себя виноватой только перед Миррой, а позже случилось то, что в писательстве называется точкой невозврата... поворотное событие для героя...

Никто не заходил меня проведать. Мне казалось это ужасно несправедливым. Я была слаба и голодна. И маленькой девочкой. И их дочерью в конце концов. Но внутренний голос нашептывал злобно: «Не тебя ли подбросили под дверь?» Я отбивалась от него как могла, говорила себе вслух, если дверь сейчас откроется, то меня точно любят. Беспомощно лежала и плакала, уткнувшись головой в одеяло. В доме тем временем что-то происходило, а обо мне как будто забыли. Я слышала тяжелые шаги за дверью, рев мотора за окном, беспокойный голос мамы, зовущий отца. Наступил вечер, за ним ночь, перетерпев боль, я переделалась в пижаму и легла спать в соплях и слезах. А дверь так и не открылась.

Утром я проснулась из-за того, что в дверь стучали. Меня обрадовало, что обо мне вспомнили, но улыбку подавила и дверь открыла с обиженным лицом. Мама стояла в шелковом халате с бигудями на голове, всматривалась тревожно-

ми глазами в мое лицо, потом схватила меня за плечи и присела. Между нами состоялся неприятный разговор, после которого я потеряла к родителям доверие. Мира убежала, кто-то заходя в дом, не закрыл до конца входную дверь. А самое страшное было то, что Мира ускакала на трех лапах, потому что передняя сломана и перебинтована...из-за меня. Мама повторяла, как тронувшаяся: «Скажи честно! Скажи мне! Я не скажу папе. Это ты?» Я сразу поняла, что мне до нее не достучаться...

– И что ты сделала? – спросил, не выдержав.

– Убежала, Эраст, вниз по лестнице и на выход.

– Ты побежала искать Миру?

– Не совсем. В тот момент я думала, что мне стоит найти новый дом. Сменить имя и фамилию. Не перебивай меня больше, ладно?

– Прости.

Я плохо помню местность через которую неслась, вело ли меня предчувствие или то была воля Всевышнего, но каким-то образом ноги привели к пляжу, где у реки слонялась хромая Мира. Я запыхалась, вместо слов испускала хрипы, похожие на те, какие издавала Ингрид, задыхаясь от слез. Мира, заметив меня, понеслась в воду. Как бы говоря всем своим видом, что от такой как я стоит держаться подальше. Я разозлилась на нее. Ведь это не я уронила ее на пол! Но обвинили-то во все меня. ...так много чувств переполняло в тот момент, что и не заметила, как в моей руке оказался острый

камень. А потом я услышала радостный возглас Ингрид. Но рада она была не мне. Ингрид пробежала мимо меня напрямик к Мире. Я устремилась за ней, крича, что там течение. В то мгновение переживала лишь за себя, мне не хотелось, чтобы родители снова сняли с меня семь шкур.

Ингридхватило мозгов зайти в реку по щиколотки ног. Я встала за ней и схватила за бант на талии. Она то ли сделала вид, что не замечает меня, то ли так обрадовалась Мире, что весь мир перестал для нее существовать... Ты бы только видел, какая между ними образовалась идиллия... Мира виляла хвостиком и прыгала здоровой лапой на Ингрид, та звонко смеялась и пыталась погладить ее по голове. От них во все стороны летели брызги, и глядя на эту непридуманную картину, я испытала неприязненное чувство. Догадываешься какое? Не ревность. Нет. Это была зависть. Ощущая себя лишней на этом празднике жизни, я также чувствовала себя преданной и отвергнутой. И только я задумала тихонечко слинять, как будто меня здесь и не было, Ингрид закричала: «Лыбка!» Рыбка с золотой чешуей, размером с мою детскую ладонь, лежала в воде на боку с закрытыми глазами... Если ты читал сказку о рыбаке и рыбке, то легко догадаешься о чем могла подумать девятилетняя девочка, увидев ее воочию... Я ведь тогда тоже была ребенком, как и Ингрид. Верила и в сказки, и в Деда Мороза, и в Зубную Фею.

Ингрид подняла золотую рыбку за хвост, чешуя ее ярко сверкала, и я ни на секунду не засомневалась в том, что она

волшебная. Я крепче сжала бант Ингрид и строго сказала ей, чтобы отдала рыбку мне. Ингрид вздрогнула и посмотрела на меня снизу вверх с таким лицом, как будто призрак увидела посреди белого дня... Не знаю, собиралась ли она послушно вручить мне рыбку или же нет... Но Мира... такое же глупое создание, как и Ингрид, схватила рыбу в зубы... и проглотила. Как она ею не подавилась? Вот и я не ведаю, но то что случилось дальше... Тебе придется в это поверить.

Глаза Мира изменились. Она смотрела на нас вертикальными овальными зрачками, как у рептилии. Мало того, что это было жутко, она еще и заговорила низким женским голосом, не раскрывая рта. «Ты спасла мне жизнь», – сказала Мира, глядя на Ингрид. – «В благодарность я исполню три твоих желания». Ингрид восторженно захлопала в ладоши, а я потянула ее за бант, пытаюсь увести, но она воспротивилась, толкнула меня в сторону и жестоко произнесла: «Не хочу, чтобы Клалисса была моей сестрой». И вот тогда я напугалась до дрожи в коленях, бросилась ей в ноги, моля простить меня дурочку, обещая исправиться. Когда твоя жизнь зависит от шестилетней девочки... чего только не говоришь... надеюсь ты понимаешь это. Мира внезапно произнесла, что теперь у Ингрид осталось два желания, а я пришла в ужас от осознания, что мое унижение прошло даром.

А дальше на пляже появилась немолодая пара и завидев меня, мужчина крикнул: «Далеко забралась, Айседора, мы тебя обыскали! Пойдем домой». Не передать словами в ка-

ком я была шоке. Вероятно, Мира исполнила желание в силу своего понимания. Я перестала быть сестрой Ингрид, как она того и пожелала. Меня ждала другая семья и жизнь...

В начале августа я все-таки набралась смелости и пришла к усадьбе Бергет. Родители не узнали меня, приняли за соседскую девчонку, разочарованно сообщили, что уезжают в город, но я могу попрощаться с Ингрид, как только та закончит собирать вещи. А мне очень хотелось взглянуть ей в глаза и узнать, как без меня живет. Не жалеет ли, что так бессердечно обошлась со мной? Мне позволили подняться и дождаться ее в проходе второго этажа на мягком диване, где мирно спала на животе Мира. Стоило мне сесть, она сразу подняла морду и посмотрела сонными глазами. Карие глаза с обычным круглыми зрачками. Она завиляла хвостом, потянулась и забралась на меня. Мира вылизывала мне лицо, я плакала горькими слезами... Это было выше моих сил... Я спустила Миру на пол и побежала... Господи...опять... вниз по лестнице и на выход. Меня окликнул на крыльце отец, сердце замерло от ожидания, я не решилась повернуться к нему с заплаканным лицом. И пока он шел ко мне, мяла пальцами щеки и глубоко дышала через рот. Мне не пришлось ничего объяснять. Он сам решил, что грусть на моем лице вызвана отъездом Ингрид. Пообещал мне, что они вернуться следующим летом и я не замечу, как быстро пролетит время. Вручил мне кожаный рюкзак со словами: «На память от Ингрид». Знаешь что было внутри? Мой канцелярский

набор, новый блокнот и книги. Я опять разрыдалась. Он потцовски обнял меня, не зная, что этим делает только больнее. И тогда, шепнув ему: «Прощайте, Бергет» ... Я вырвалась из объятий и в руках с кожаным рюкзаком побежала в дом к людям, заменивших мне родителей... Так и родилась писательница Айседора Шварц в деревне со сладким названием Услава.

С печалью в голосе закончила рассказывать историю Доры.

Голова пухла от мыслей. Я сидел с опущенными руками, блокнот в ногах, хотелось подорваться и заключить ее в объятия. Пожалеть. Но опасался, что проявление телячьих нежностей будет неуместным. У нее такой отстраненный вид, я даже не уверен, ждет ли она от меня каких-то особенных слов или действий.

Думал, Сестры Бергет – выдумка, а она искусная рассказчица. Рыбка. Мира. Ингрид. Все смешалось в моей голове в кашу. Я не застал родителей Доры живыми, но знал, что она родом из деревни с названием Услава. История Доры за гранью фантастики...но черт возьми...я ей верю! Псих мой доктор, а не я!

– Нам пора, Эраст.

– Куда? – удивился я.

– Учить тебя писать, – снисходительным тоном ответила она и поднялась на ноги.

– Мы не будем обсуждать то, что ты сейчас рассказала?

– А должны?

– Я думал ты доверилась мне и потому открылась!

– Так и есть, Эраст.

– Но как же... как же последствия... Мира наколдовала тебе новые документы? А как же твои вещи, оставленные в квартире, где вы жили? Они что, блин, испарились?

– А ты внимательный слушатель. Этот навык тебе еще пригодится. Слышал о ненадежном рассказчике?

– Читал, – соврал я, хотя ни одну книгу по писательству в руках не держал. Я просто однажды проснулся и осознал по какому хочу идти пути.

– Эраст, это моя работа – водить читателей за нос.

– Не понимаю тебя.

– Доживешь до моих лет – поймешь.

Я невесело усмехнулся и поставил ноги на пол, предварительно накрыв их одеялом, сделал вид, что обуваюсь. Задел рукой какой-то твердый предмет, лежащий под кроватью. И только я схватил его, чтобы поднять, Дора резко погасила лампу. Глаза тут же заболели, меня опять макнули в черноту.

– Обязательно свет выключать? – недовольно спросил, подняв находку.

– Органы чувств обостряются в темноте. Я хочу услышать какие образы к тебе придут.

– Нашла себе подопытного.

– Забыл? Ты сам заявился ко мне с просьбой научить тебя

писать.

– Не пугать же!

– Тебе страшно?

– Нет, блин, щекотно. – Я так и сидел на кровати, сгорбившись, щупал предмет в руке: рукоятка, что-то круглое, на кончике квадрат.

– Эраст, – шепнула она в мое ухо.

Я перетрусил до ус...до смерти.

– Что рисует твое воображение прямо сейчас? – прозвучало во второе.

Я поднял голову. По ощущениям Дора должна бы стоять напротив меня, но я совсем не чувствую ее рядом. Не слышу дыхания. Выбросив руку в сторону, кроме пустоты, ничего не нащупал. Она же не кошка с мягкими лапками, чтобы настолько тихонько передвигаться.

Нет, мне не стоило допускать эту мысль. Больное воображение ухватило за нее, как за спасительную соломинку. И вот я уже вижу, как в темноте вырисовываются два маленьких желтых глаза с черными узкими зрачками. Не нравится мне затеянная ею игра. Дома я сплю с ночником и прячу ноги под одеялом, чтобы монстры не щекотали мне пятки и держались в тени, пряча уродливые морды. Нельзя давать слишком много воли моей фантазии.

– Я вижу кошачьи глаза. Довольна?

– А говорил, что боишься темноты, – прозвучало надо мной, будто появившееся глаза кошки – глаза Доры.

– Я не говорил такого.

– Ты был мал, когда жаловался на это. Тебя до сих пор одолевают из-за темноты кошмары?

– Я контролирую их.

– Эраст, необязательно рисовать перед глазами пугающие образы. Во всем можно увидеть красоту, даже в ночи. Что ты сейчас чувствуешь?

Кошачьи глаза моргнули. Я схватился двумя руками за непонятный найденный предмет.

– Я чувствую страх.

– Почему?

– Потому что вижу того, чего нет. Говорят же у страха глаза велики.

– Эраст, настоящее зло – это штампы, клише, канцеляризм, недостоверность, несоответствие стиля и содержания. Они убивают текст, так что уясни это хорошенько и перестань шугаться привидевшихся... образов.

Кошачьи глаза развеялись. Меня пробило на истеричный смех, втянув в себя воздух, раздул щеки, и медленно выпустил его через рот.

– Такое зло, упоминаемое тобой, я не смогу вообразить.

– В каком жанре ты хочешь писать? – голос Доры так и звучал надо мной.

– Как у тебя. Сказки для детей в теле взрослых и для взрослых в теле детей.

– Собрался подражать мне?

– А что, нельзя?

– Я бы хотела, чтобы ты нашел свой голос, – ласково произнесла она. Я смутился. – А ужасы писать не думал?

– Мне их в реальной жизни хватает.

– Если намерен избавиться от них, выпусти их на бумагу, облачи в слова, пусть кошмарят кого-то другого, но не тебя.

– В этом есть смысл.

– Тебе по-прежнему страшно?

– Уже не так сильно.

– Значит ты готов.

– К чему?

– Вставай.

– К чему я готов?

– Напомню для справки, Эраст, запоминай все, что видишь. Не можешь запомнить – записывай. Не можешь записать – надиктуй в диктофон. Нет диктофона – запоминай. Тебе нужно набираться опыта.

Я вскочил на ноги, доски подо мной скрипнули, расправив плечи, серьезно сказал:

– Ладно, Дора, правила игры я понял. Веди меня.

– Вот так бы сразу, – весело ответила она.

Щелкнул выключатель, над нами замигал яркий свет, я машинально закрыл глаза, а когда открыл, посмотрел сразу на вещь, что так долго держал в руках. Дверная ручка. Ошибки быть не может. Это та дверная ручка, которую я не нарочно вырвал.

– А я обыскалась ее. – Дора забрала ручку, а я так и не понял, где она все это время стояла. – Давно пора поменять, но руки никак не доходят.

– Почему она была под кроватью?

– Я старая, Эраст, мне иногда лень лишний раз наклониться. Обронила и забыла.

Звучало логично, но что-то мешало поверить в это до конца. Пока она рассматривала дверную ручку в руках, я бросил взгляд на проход и стиснул зубы. Позади Доры стояла та светловолосая маленькая девочка, губы синие, лицо серое, глаза без зрачков и белые, губы приоткрыты и из них льется вода, платье не просто грязное, оно насквозь промокшее и отчетливо слышно, как падают на пол капли воды. Я моргнул. У ног девочки появилась спаниель...коричневый щенок... Теперь я это разглядел.

– Кого-то увидел? – спросила Дора с любопытством.

– Мне нужно выпить таблетки, – несколько встревоженно ответил я. Одной терапии без света слишком мало, чтобы искоренить мой недуг.

– Это не поможет.

– Тебе-то откуда это знать? – сказал резче, чем хотел. Облизывая сухие губы, не мог оторвать от *них* взгляда. Я их придумал. Точно придумал. Это все история Дора. Моя фантазия только дополнила их образы. Они нереальны. Дора сказала, что я не должен *их* бояться.

– Просто знаю, – Дора пожала плечами. – Пойдем.

Она прошла сквозь девочку, от той, как и от щенка, осталась густой шлейф разноцветного дыма. Я схватил с кровати блокнот и судорожно размахивая им во все стороны вышел из комнаты. Дора скрылась за дверью террасы, следуя за ней я об что-то споткнулся, но не стал останавливаться. Мы вышли к лестнице и у меня перехватило дыхание от открывшегося вида: бездонное черное небо, усеянное крупными звездами и среди них сияет яркая луна. Я подставил лицо свежему ветру и сказал себе: «Запомни этот миг. Запах леса. Доносящееся уханье птицы. Свист воздуха в ушах».

– Спускайся! – крикнула Дора снизу.

– Иду, – блаженно ответил, расправив руки. – Ночь нежна, да Дора?

– Ты хоть читал это произведение?

– Нет.

– Ты вообще читал какие-нибудь книги, кроме моих?

– Да! Школьную литературу.

– Эраст!

– Запишу и спущусь! Ты сама дала мне этот совет!

Я раскрыл блокнот и на весу записал все, что про себя сказал. Засунув его за пазуху, бегом спустился вниз по лестнице. Чему бы она меня сегодня не научила – я все запомню.

– Где твой телефон?

– В машине.

– Сходи за ним.

– Есть, мэм! – Я приложил руку к голове, но она не улыб-

нулась, а мне казалось, что мы нашли общий язык. Она с чего-то стала хмурой и сами собой полезли в голову мысли, что я ее разочаровал.

Расстроенный, побрел к машине, хорошо, что она серебристого цвета, будь черная – искал бы до утра. Включив в салоне свет и фары дальнего света, не стал повторять прежних ошибок, не посмотрел в зеркало заднего вида, достал из бардачка таблетки и заглотил две с усилием. Убирая обратно, достал фотографию тринадцатилетней давности. На ней Дора держит меня маленького на руках, по бокам стоят родители и в окне второго этажа женщина. СТОП! Я поднес фотографию к лампочке. Черта с два! Таблетки подействуют только через некоторое время. Это значит, что меня еще не раз накроет. Потер фотографию пальцем, потряс и снова внимательно посмотрел. Эта женщина всегда там была? Черты лица нечеткие, словно она хотела отвернуться, когда делали этот кадр. Но я вообще ее не помню. От такого открытия у меня мороз по коже пошел. Спятил или нет? Пусть ответит мне Дора. Я забросил телефон в карман кардигана и, выскочив из машины с фотографией в руках, помчался к ней.

– Нашел что-то интересное?

– Кто это? – Включил на телефоне фонарик, посветил на фотографию, поднеся ее к лицу Доры. – В окне. Кто это?

Она, прищурившись, оттянула уголки глаз.

– Это мы, – произнесла, как нечто само собой разумею-

щесся.

– А в окне?

– В каком?

– На второй этаже!

– Твоя бабушка, Эраст. – Губы ее расплылись в насмешливой улыбке, и я весь покрылся от этого мурашками. Как-то странно и быстро меняется у нее настроение.

– А ты тогда кто?

– Твоя бабушка.

– Перестань делать из меня сумасшедшего! – сорвался я и затряс фотографией перед ее лицом. – Отвечай! Кто ты?

– Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо, – ледяным голосом ответила она. – Выпил свои таблетки?

– Выпил, – сквозь зубы процедил.

– Взгляни на фотографию еще раз.

Поднес ее к лицу, осветил фонариком телефона.

– Женщина в окне?

У меня похолодело под ложечкой.

– Можешь не отвечать. Ее там нет.

– Ты знаешь, что со мной? – спросил нервным голосом, светя фонариком на свое лицо. Она с самого начала ведет себя так, словно мой секрет и не секрет вовсе. Смотрите! Это Эраст, и он не дружит со своей кукушечкой! Представляю, как я выгляжу сейчас со стороны, глаза, наверное, красные и безумные, волосы взлохмаченные, быть может, некоторые

пряди торчат как рога. По моим венам бежит дурная кровь. И твоя кровь тоже, Дора. Возможно, ты такая же, как и я.

Дора хлопнула меня по плечу, забрала фотографию себе и взяла за руку. Я почувствовал себя таким ничтожным, хотелось вырваться, спрятаться в машине и не вылезать оттуда до самого утра. Наверное, мне приснилось ее хорошее отношение, а не развалившийся второй этаж дома, где я куда-то провалился. Светя фонариком нам под ноги, как маленький трусливый мальчишка вздрагивал от треска веток, скрипа деревьев, раскачиваемых ветром, хлопанья крыльев, разносящихся над головой. Мне противна ее ледяная рука, уязвимость, испытываемая рядом с ней и куда мы вообще идем? Я замерз, хочу есть и спать! И я не знаю ни одной истории, в которой человека бы тащили ночью в лес не для того, чтобы прибить!

– Мы пришли. – Дора выпустила мою руку, вытерла ее об кофту. Я фыркнул и закатил глаза. – Узнаешь это место?

– Ты меня здесь не добила, а я об этом забыл. Угадал?

Она, покачивав головой, схватила меня за руку, которой я держал телефон и направила фонарик на ствол дерева.

– Ниже смотри!

Я наклонился вперед, сощурил глаза и понял почему должен узнать это место. На коре выцарапаны небольшие буквы «А», «и», «Э». Не помню, кто из нас их нанес, но видимо это то самое дерево, под которым Дора сидела и писала, пока... Упав на колени, я выронил телефон, обхватил дере-

во руками и прижался к нему лбом. Меня замутило, проносащие перед глазами воспоминания похожи на движущиеся вагоны поезда. Только поспевай головой мотать. Светловолосая девочка бежит. Я за ней. Спаниель опережает меня. Шух-шух. Деремся с девочкой шуточно палками, будто мы два рыцаря, спаниель наблюдает за нами. Шух-шух. Плачу, потому что упал. Спаниель лижет мою ушибленное коленку. Девочка тоже плачет. Шух-шух. Прячусь за деревом, зажав ладонями рот. Шух-шух. Дора ругает девочку. Спаниель рычит. Шух-шух. Дора уводит меня от них за руку. Я пытаюсь сопротивляться, не получается. Шух-шух. Родители ругаются с ней. Я сижу на кухне, зажав уши. Шух-шух. Отец выносит меня из ее дома на руках. Я рыдаю и что-то кричу. Шух-шух. Приложил свою крошечную ладошку к стеклу, по другую сторону приложила Дора. Шух-шух.

– Ты вспомнил? – голос Доры звучал, как из глубоко колодца.

Пялясь в темноту, я чувствовал тяжесть в голове, жадно вдыхал запах древесины. Мне было куда лучше, когда ничего из этого не помнил. Дора тронула мои волосы и нежно погладила по голове.

– Эраст, *они* не галлюцинация.

– А ты? – измученно простонал я. – Ты настоящая?

– Да, как и *они*. Включи диктофон.

Я сел на холодную землю, нашел телефон по светящемуся фонарику рядом с собой, не стал светить им на Дору, лишь в

ноги, потому что чувствовал, *они* уже здесь. Убавив в телефоне яркость, включил диктофон и положил на землю фонариком вниз. Никогда бы не подумал, что смогу почувствовать себя уютно в крошечной тьме. Дора, что же ты со мной творишь? Мне, итак, несладко живется, а ты сыплешь мне в глотку соль и заставляешь глотать. Из-за тебя за короткое время полюбил ночь, потому что в глубокой черноте ничего не видно, а мерцающие звезды так далеки от земли, что про них вспоминаешь лишь задрвав голову кверху. Ты перевернула мой внутренний мир вверх дном.

– Я много путешествовала по миру.

– Классно.

– Эраст, обойдись без сарказма.

– И вопросы не по теме не задавать?

– Выслушай меня молча! Я делала это ради нас! Искала объяснение тому почему мы *их* видим, а другие нет. Твой отец считает меня больной на голову, так же как и тебя и не говори мне, что это не так. Мать твоя тоже не иного мнения. Но поверь мне, нет такого медицинского термина, способного описать наше отличие от других. И от таблеток никакого проку нам нет, это не лечить нужно, а принять и научиться с этим жить. Мы «люмены», люди наделенные способностью оживлять свои фантазии и впускать в мир мертвых. И мы же способны их уничтожить и отправить обратно в Загробный мир. Это великая сила, мой мальчик и она не дается кому попало.

– «Люмены»? – с ноткой недоумения и недоверия переспросил я, растирая ладонями плечи. Ветер поутих, но теплее от этого не стало. Веки отяжелели, тело ломит, а она рассказывает очередные сказки, звучащие как вымысел. Мне не девять, Дора, я не верю в волшебство.

– Да, Эраст, «люмены» и наши способности за гранью человеческого понимая. Ты хоть раз задумывался почему создания, которых ты порождаешь, не заговаривают с тобой?

– Потому что это зрительные галлюцинации.

– Ответ неправильный! Ты не наделял *их* голосом. *Они* вроде наших кукол, в нашей власти изменить им внешность, наряд, пририсовать хвост, да что угодно! Ты и без меня об этом хорошо знаешь. Сами по себе *они* пусты. Надо наполнять. Это очень похоже на то, как создавать для истории персонажа. Ты же не дашь ему одно только имя. Ты наделишь его особенностями – внешними чертами и внутренним миром. Пропишешь характер, возраст, чем занимается, что нравится и не нравится. Его стоит знать также хорошо, как и себя. Где и с кем он рос, как прошло детство, с какими трудностями сталкивался, как ведет себя на людях и когда остается один.

– Вселить в него душу?

– Да, Эраст! Писатель вдыхает жизнь во все, что создает. Но каждый мастер платит за это чудо свою цену. Диккенс не сочинял сюжеты, а видел их, говоря, что у него слуховые и зрительные галлюцинации. Мопассану надиктовал текст но-

вого рассказа его точная копия.

Классическая галлюцинация? Нет, мой милый, они такие же, как мы. Они «люмены», как и Ницше, Хемингуэй, Кафка, Руссо, Вульф и Гоголь. Нас много. Перечислять можно аж до утра. Но у нас нет на это времени.

– Как женщина в окне на фотографии не может быть галлюцинацией?

– Ты неосознанно ее представил и поместил туда. Стресс для «люменов» также пагубен, как для обычных людей.

– Хм... Как уничтожить то, что создал воображением?

– Представить его смерть. Сгорит ли заживо или распадется на кусочки – выбирать тебе. Но если не избавиться, будет ходить за тобой тенью, пока не испустишь дух. А та женщина в окне... Такое обычно само по себе исчезает.

– А как же мертвые?

– Их оболочка как раз и есть душа. Изменить нельзя, но и наполнять не нужно, а чтобы услышать голос – необходимо впустить в голову, а чтобы отправить обратно, надо открыть портал, думая о Загробном мире.

– Так просто, – вяло подметил.

Я уже клевал носом, глаза слипались, устал слушать ее бредни, мне своих хватает по горло.

– Ты не веришь мне?

– Дора, я не настолько безумный, чтобы верить во все подряд.

– Нельзя позволять силе «люменов» управлять собой.

Провалы в памяти у тебя возникают как раз из-за того, что ты сопротивляешься. Продолжишь упрямитесь – сойдешь по-настоящему с ума. Не делай вид, что не понимаешь про что я тебе толкую.

– Когда мы вернемся в дом?

Положив голову на колени, перестал стараться держать глаза открытыми.

– Эраст, не засыпай, он уже близко! – Дора трясла меня за плечо, а может и не она, рука какая-то маленькая.

– Не забывай, что я тебе сказала! Не забывай!

Столько отчаяния в голосе, что мне даже ее жаль.

– Эраст! – внезапно прозвучал где-то поблизости голос отца, и я весь встрепенулся, вскочил на ноги, голова закружилась. – Эраст!

Между деревьев заиграл луч света.

– Дора, ты говорила с ним в мое отсутствие?

Она не отвечала, свет приближался и где-то на земле лежал потухший телефон.

– Дора! – требовательно закричал я. – Зачем ты его сюда позвала?

«Подстава», – горестно подумал про себя.

– Эраст! – Звал отец.

Он быстро приближался.

– Дора, ты со мной в одной лодке, отдуваться будем оба, – предупредил ее.

И она опять смолчала.

Вскоре на моем лице отразился слепящий белый свет. Я закрылся от него руками.

– Эраст, слава Богу, ты жив!

– Убери фонарь!

Он направил его на мои ноги. Медленно повернув голову в бок, я не увидел, чтобы Дора стояла рядом со мной.

– Я здесь один? – неуверенно спросил, осматриваясь вокруг большими глазами.

– Сынок, я здесь с тобой, ты не один.

– Где Дора?

– Сынок. – Я чувствовал, что он подбирает слова. – Дора... Дора еще не вернулась из поездки.

– Из какой поездки?

Волосы зашевелились на голове, земля начала уходить из-под ног, в глазах помутнело. В мыслях проплыли слова одного из тех «мальчиков»: «Ее ищут до сих пор».

– Она вернулась в Усладу.

– Когда?

– Пол года назад.

Я рухнул на землю и вместе со мной рухнул весь мой мир, перевернутый, Дора, тобой.

На утро следующего дня я проснулся в кровати полностью опустошенным и вымотанным. В комнате, где спал, когда был шестилетним мальчишкой. На тумбочке лежал телефон и стоял стакан воды. Залпом осушив его, я включил мобиль-

ный, зарядки десять процентов. Мне хватит. Я все помню, Дора, как ты того и хотела. Включив диктофон, приложил динамик к уху. Из груди вырвались тихие всхлипы, глаза налились обжигающими слезами. На этой записи длительная тишина и мой голос:

...

– Классно.

...

– И вопросы не по теме не задавать?

...

– «Люмены»?

...

– Потому что это зрительные галлюцинации.

...

– Вселить в него душу?

...

– Как женщина в окне на фотографии не может быть галлюцинацией?

...

– Хм... Как уничтожить то, что создал воображением?

...

– А как же мертвые?

...

– Так просто.

...

– Дора, я не настолько безумный, чтобы верить во все под-

ряд.

Запись кончилась.

Сердце оборвалось.

Тебя ли я оплакивал или себя?

Когда отец постучал в дверь, я тупо смотрел в потолок, размазывая по нему свои сожаления. Он вошел, не дождав-шись ответа.

– Спускайся. Я приготовил нам поесть.

– Зачем ты приехал?

Прозвучало в духе Доры, и я почувствовал в груди боль.

– Сработали датчики взлома двери.

– Серьезно? Я, по-твоему, не только больной, но и глухой?

Я приподнялся на локти. Отец ощутимо занервничал.

– В доме есть камеры.

– Ты за ней тайно следил?

– Она знала о них. Это была мера предосторожности на случай, если с ней что-то случится.

– Поразительно, что наша фамилия не Адамс, а Шварц.

– Сынок...

– Ну и быстро же я из неблагодарного щенка переквали-фицировался в сына!

– Ты имеешь право злиться на меня.

– Конечно имею! Ты напел Доре ересь о том, что я до мокрых штанов испугался ее телесного раздвоения, не же-

лаю знать и видеть!

– Я никогда не говорил такого маме. С чего ты вообще это взял? Вы общались? – хриплым от волнения голосом спросил он.

– Не общались и в этом виноваты вы! Объясни же! Почему вы нас друг от друга изолировали?

Отец присел на край кровати, я облокотился спиной на подушку.

– Эраст, то что я расскажу, возможно, шокирует тебя, но ты достаточно взрослый мальчик, чтобы решить как с этой правдой быть.

– Давай без вступления. Руби с плеча.

– С плеча так с плеча. – Отец набрал в легкие побольше воздуха и на выдохе заговорил. – Дора не моя биологическая мать, ее настоящее имя и фамилия Кларисса Бергет. Она выросла в обеспеченной семье, но случай, произошедший в деревне Услава, нанес ей глубокую душевную травму. В возрасте девяти лет она потеряла младшую сестренку. Ее унесло течением вместе с щенком. Вроде бы их звали Ингрид и Мира. Тело девочки нашли спустя несколько месяцев, а щенка не нашли... Мама очень ярко описала в своем блокноте события того дня... Я не должен был читать, но любопытство пересилило. И самое интересное, она переписывала эту историю на новый лад и закончила тем, что Ингрид сама отказалась от нее, загадав желание у золотой рыбки, которую съела Мира... Писала мама прекрасно, я зачитывался

ее рассказами вздохнул...

Отец протер глаза, после чего как Дора, поставил локти на колени и оперся подбородком на сцепленные руки.

– Мне было семь, когда она меня усыновила. Правильнее сказать, не она выбрала меня, а я ее. В первую встречу вцепился в нее и долго не хотел отпускать. Из-за веснушек на лице, думал, вот она – моя мама. И она наконец-то вспомнила обо мне и вернулась... Мне нельзя было заходить в комнату, где мама писала. Я часто слышал оттуда ее голос. Говорила ли она с собой или нет... Тогда это странным не казалось. Но меня все время преследовало ощущение, будто она как бы телом здесь, а душа где-то в другом месте. Кстати, это я уговорил ее разнести рукописи по издательствам. Верил, что это сделает маму счастливой, но счастливым ее сделал ты... Что-то в ней изменилось с твоим рождением, резко потеплела, стала часто приезжать к нам в гости. Я обрадовался внезапным переменам, но только счастье это оказалось...

– Мимолетным, – сказал я за него словами Доры.

– Да... Ну а когда привезли тебя к ней сами, отпраздновать твое шестилетие, с ней что-то опять случилось... непонятно чем вызванные перемены... В последний день перед нашим отъездом она заявила мне, чтобы тебя сюда больше не привозили. Говорила о тебе, как об особенном человеке, не ребенке, именно человеке. Взяла с меня обещание – ни при каких обстоятельствах не отправлять тебя в психиатрические клиники. Так дико было это слушать. Она намерива-

лась с чем-то разобраться, клялась найти объяснение тому, что ты, как и она, другой. Но в пух и прах мы разругались из-за другого. Мама хотела, чтобы мы настроили тебя против нее. Практически умоляла об этом...

Отец вытер губы, руки у него задрожали. Он посмотрел на меня покрасневшими глазами.

– Прости... Прости, что мы поступили с тобой подло... Я пытался воззвать ее к голосу разума... Мама не шла на уступки... Она очень сложный и странный человек... Страдала от галлюцинаций и психического расстройства...

Мой левый глаз задергался, я поднял одеяло ко рту, на случай, если меня прорвет на безутешные вопли от сказки о потерянном времени. С трудом проглотив, застрявший в горле ком, я почувствовал, как по щекам скользнули горячие слезы.

Отец, похлопав меня по ноге, резко встал и вышел за дверь.

Ты разрушила нас, Дора.

Я сорвался с кровати и побежал за ним. Поймал у лестницы на первый этаж. По-мужски обнял: рука сжата с его, левой рукой обхватил плечо, два раза хлопнул по спине. Он не оттолкнул меня.

Мы вместе дрожали от слез и боли, накопившейся в нас.

Я запомню это.

Блокнот за пазухой.

Позже все запишу.

И то, что пустил тебя в этот мир.

И о том, что мы «люмены».

Я настоял, чтобы отец показал мне видео с камер наблюдения. Чертовски ужасное зрелище. Разбил входную стеклянную дверь, разговаривал сам с собой, ходил с ножом, валялся в истерическом припадке на втором этаже, поспал на полу с дверной ручкой в руках, поспал в кровати, выключатели света правда не сам щелкал, комод открылся без моей помощи и блокнот выпрыгнул оттуда самостоятельно. Отец уверял, что после работы посмотрел лишь начало, где я в дом врываюсь, как грабитель, а после незамедлительно поехал сюда. Он удалил видео при мне, ничего при этом не говоря, но во взгляде отчетливо видел какие у него на уме слова: «Я никому не выдам, как ты тут бесновался, сынок».

Мы поели, ну как поели, отец угрожал накормить с ложки, мне пришлось заставить себя поесть. Пока он в доме прибирался, я перебирал тетрадные листы из новогодней коробки.

На видео были и другие «паранормальные» явления. В воздухе висели очки, лупа и тетрадные листы. По ним водила карандашом невидимая рука. Дора оставила на полях заметки с рисунками, как заботливо с ее стороны. И лупу с очками сама вернула на место. Хозяюшка. Так уж и быть, сам покрою расходы за новую дверь.

К вечеру погрузили в отцовскую машину продукты, вещи из моего багажника. Договорились, что он на днях транспортирует мою машину к нам домой. Боже. Мы даже вместе выкурили по сигаретке, сидя на капоте и глядя на дом, что остался таким же, как на фотографии. А ее я так и не нашел. Со слов отца при мне из вещей в лесу на земле был лишь телефон.

В машине он произнес то, что я никак не ожидал услышать:

– Мы с Дорой изредка созванивались. Она очень тобой интересовалась. Просила рассказывать вплоть до того, чем завтракал, обедал и ужинал. Постарайся простить ее, сейчас тебе тяжело и больно на душе, но это пройдет, сынок. Нет таких ран, которые бы время не затянуло.

– Спасибо, – тихо ответил и опустил окно машины.

Душно.

– Когда мама сказала, что на время переберется в родительскую усадьбу, я понял сердцем – она не вернется. А если бы потерял ещё и тебя... Мне незачем было бы жить.

– Как же мама?

– Мы с ней разводимся, – резко выпалил он, сжав руками руль и смотря перед собой.

– Давно пора.

– Я переложил твои таблетки к себе в бардачок.

– Они мне больше не нужны, но пусть на всякий случай лежат у тебя.

Он кивнул, но выглядел так, будто хочет что-то спросить, но не решается. Догадываюсь, что его гложет.

– Ты переживаешь, что я не поселюсь с тобой в холостяцкую берлогу и буду как Дора жить в хижине на опушке леса? Если такое когда-нибудь случится – поставить камеры не дам.

Отец ни с того ни с сего залился истеричным смехом. Может, не такие уж мы и разные.

– Ты напоминаешь мне Дору, – успокоившись, признался он. – Я вижу ее в тебе, как будто вы одной крови. Когда напишешь рассказ, ну или книгу, дашь почитать? Между прочим, все рукописи мамы проходили через меня до отправки в издательство. А однажды мы с ней сильно повздорили, и она назвала в книге козлика моим именем.

– Да ладно?

– Я в тайне от нее исправил в чистовом варианте имя на Исидор, и оно ушло в таком виде в издательство. Мама обозвала меня после этого «хитрющей жопой».

– И все равно давала читать рукописи самым первым?

– Ее позабавил мой поступок. Исидор в следующей книге

встретил мальчика, который и забрал его к себе домой.

– Этот мальчик ты?

– Тоже так думал, но мама утверждала, что тот мальчик может быть похож на меня, но это не я. Сынок, так ты удостоишь меня чести прочитать твоё творчество или нет?

– Удостою, мы же собираемся жить в холостяцкой хате.

– Эраст! Что стало с твоей речью? – веселым голосом спросил он.

– Перестал притворяться, заводи машину, есть одна девушка перед которой мне нужно извиниться, я покажу куда ехать и даже не думай меня подкалывать.

– Откуда в тебе столько от Доры, – шепотом произнес отец, грустно улыбнувшись.

Вероятно, я бы расстроился, если бы *они* не выглянули попрощаться. В отражении бокового зеркала, Ингрид махала мне рукой, держа на руках Миру. И выглядела как самый красивый ребенок в мире. Дора, стоявшая позади нее, провожала нашу машину взглядом.

Ты не успела вернуть *их* обратно или не хотела.

И я тоже пока не готов тебя отпустить.

Мы припарковались рядом с кафе, предупредив отца, что ненадолго, выбежал из машины и быстрым шагом дошел до магазина. По-мальчишески разволновался до легкой дрожи в теле. Только я потянулся открыть дверь, сзади меня раздался Верин голос:

– Здорова, хрюндель, – прозвучало грубо.

– П-привет.

– Че пришел?

– К тебе, очаровательная ты моя, – сказал куда нежнее, чем ожидал. – Прости меня.

Уверенно положив руку на ее талию, притянул к себе, взял за подбородок и поцеловал в губы. Я бы понял, если бы она меня оттолкнула, наорала и дала пендаля, но Вера запустила пальцы в мою шевелюру, позволила углубить поцелуй. Это было так головокружительно. У меня перехватило дыхание, сердце беспорядочно затрепыхалось. Я прижал ее к себе и с губ сорвался легкий стон.

– Это еще че?

Нас прервал недовольный мужской голос. Нехотя оторвавшись от Веры, я смерил его злобным взглядом, но не выпустил ее из своих объятий.

– Это не то, что ты подумал, – начала оправдываться она, скинув с себя мои руки. – Дима, я все объясню.

Ха, бугая в камуфляже зовут значит Дима.

– Ты встречаешься с ним? – решил уточнить, перед тем как сделаю следующий шаг.

– Н-нет.

– Слышь, – обратился он ко мне, – тебе кто разрешил лапать мою телку?

– Телка – это молодая корова, а ты не образованное чмо!

Я со всей силы вдарил ему с кулака в челюсть. Адски боль-

но, но того стоит. Он пошатнувшись, накрыл ладонью рот. Вера кому-то молилась, говоря: «Божечки, господи мой!» Закрыла собой меня.

– Дима, не надо. У него бо-бо с головой. Нельзя таких колотить!

– Да я убью его! – грозно заорал он.

– Дима, нет!

Вера выкинула руки в стороны. Какая она все-таки отважная.

– Не трать свою жизнь на отбросов, ты достойна лучшего, – прошептал ей в ухо, не отрывая глаз от Димы, лицо которого перекошилось от гнева.

– А ты, ты отброс?

– Я принадлежу «люменам».

Поцеловав ее в щеку, стремительно зашагал от них прочь, ощущая себя победителем, сошедшим с ринга. Это мой триумф!

В машину я сел в состоянии легкости и полета. Отец окинул меня удивленным взглядом и откашлявшись заговорил:

– Не буду спрашивать, что это сейчас было, но ты меня впечатлил.

– Твой сын стал мужчиной, папа. – Похлопал его по плечу, широко улыбаясь.

– У тебя губы в помаде. – Он на себе показал где.

– Я сотру ее, но попозже.

– Делай как знаешь.

Папа нажал на педаль газа, и когда мы отъезжали от кафе, я резко приподнялся с места и вылез в окно. Крикнул Вере, что буду скучать, а она в ответ: «Не забывай про меня!» Папа посмеялся, сказав прямо-таки с любовью: «Мой сын».

Любуясь в боковом зеркале своим отражением, я прокручивал в голове все, что со мной случилось с момента, как я приехал к дому Дору и до того, как подарил первый поцелуй Вере и удар Диме.

Дора, ты говорила, что счастье – миг короткий и можно засомневаться было ли оно вообще, но знаешь, его можно запечатлеть на бумаге. И это «счастье» будет длиться вечно.

И ты будешь жить на страницах моих книг. Мы там переделаем все, что не успели в этом мире. Скажем друг другу все, о чем так долго молчали.

Ты никогда не состаришься, а я не стану взрослым.

Нашими частыми гостями станут Мэри и Луиза Бергет вместе с Мирой.

И когда не останется никого, кто мог бы нас помнить – наша история не закончится. Она будет жить в сердцах тех, кому мы стали дороги.